

Волощенко О.В. (ВГУ)

**ОБ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ПОРТРЕТНЫХ
ХАРАКТЕРИСТИК ПЕРСОНАЖЕЙ СКАЗОЧНОЙ
КАРТИНОЙ МИРА
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ВОЛШЕБНОЙ
СКАЗКИ)**

Последние десятилетия ознаменовались в лингвистике переходом к антропоцентрической парадигме исследования, обращением к теме человеческого фактора в языке, рассмотрением антропологически обусловленных свойств языка. В связи с этим особую значимость приобретает изучение картины мира, в частности фольклорной. Наш интерес к данной теме обусловлен результатами исследования портретных характеристик персонажей русской волшебной сказки. Было обнаружено, что их языковая организация во многом определена картиной сказочного мира, отразившего мировидение и миропонимание народа.

Традиционно изучение портретных характеристик ведется на материале художественных произведений. В литературоведении под портретом понимается прежде всего «описание либо создание впечатления от внешнего облика персонажа» (4,762), «словесное перечисление внешних черт человека, вида его лица, фигуры, одежды и т. д.» (9,71), «изображение <> всей внешности человека, включая сюда и лицо, и телосложение, и одежду, и манеру поведения, и жестикуляцию, и мимику» (3, 76).

Наиболее полная характеристика элементов портретного описания представлена в работе К.Л. Сизовой, которой была составлена типология портрета героя на материале художественной прозы И. Тургенева. Согласно указанной типологии, к портретному описанию относятся

такие элементы: эскизная характеристика, характеристика одежды; цветовая характеристика; характеристика форм черт лица; характеристика мимики, жестов и манеры держаться; фоническая характеристика; характеристика, основанная на сравнении с предметом, животным или растением; характеристика по сопутствующему ему запаху; музыкальная характеристика (13,7).

Особый интерес вызывает способ и характер реализации портрета персонажа в русской волшебной сказке.

Для сказочного нарратива не характерно наличие развернутых портретных характеристик персонажей. Некоторые исследователи вообще отрицают существование портрета как формы описания в сказке (11,90; 6,71). В.Я. Пропп отмечает, что «наружность персонажа или совсем не описывается, или же даются отдельные детали, характеризующие не индивидуальность, а тип героя как действующего лица» (11,90), т. е. сказочный портрет носит типовой характер. Исследователи указывают несколько причин этого явления. Особенность народного эпоса, в частности сказки, состоит в динамике действия (В.Я. Пропп, Ю. Неклюдов, Д. Лихачев), поэтому рассказчику и слушателю важно прежде всего, что происходит с героем. Этим и обусловлено малое внимание к портрету. Кроме того, стереотипный набор предметов, действий и ситуаций, при котором за каждым типом персонажа закреплен постоянный круг действий, определяет постоянный набор атрибутов внешности и отсутствие индивидуальных черт у персонажа (Ю. Неклюдов). Таким образом, каждый тип персонажа в сказке имеет определенный набор типовых признаков, который определяется кругом действий, закрепленных за персонажем и выполняемых им.

Главным персонажем волшебной сказки является герой. Он занимает первое место по частотности портретных характеристик. Приоритетное положение в его описании принадлежит **характеристике физических данных** (она содержится в каждом портретном описании), которые всегда имеют положительную оценку. Как правило, повествователь вводит характеристику черт лица («*кудри черные, очи соколиные, брови соболиные*», «*кровь с молоком*»), указывает размеры тела (обычно большие), рост («*рослый*», «*ростом взялся*»), особенности телосложения («*статный*»). Довольно часто портретная характеристика содержит **только оценку физических данных, без какой-либо детализации портрета** («*лицом красив*», «*красавец, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать*»), при этом повествователь акцентирует внимание на внешней привлекательности героя:

<...>государь посадил его за стол, <...>а сам на него смотрит-дивуется: славный молодец - и лицом красив, и умом смышлен, и ростом взял; никто не подумает, что ему десять лет, всякий двадцать даст, да еще с хвостиком. (1, №185).

Глянула на него красна девица – другого такого красавца во всем свете не сыскать! (1, №173).

Королевич был всем хорош – и лицом, и нравом <...>.(1, №123).

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь, у него был сын Иван-царевич – и красивый, и умный, и славный; об нем песни пели, об нем сказки сказывали; он красным девушкам во сне снился. (1, №283).

Анализ материала показал, что все элементы портретной характеристики героя несут положительную аксиологическую оценку. Герой предстает в сказке как идеальный, исключительный персонаж. Вероятно, причину

подобного изображения следует искать в специфических свойствах фольклорно-языковой картины мира, а именно в идеализации. Общеизвестным является тот факт, что действительность, отображенная в фольклоре, имеет идеализированный характер (В.Е. Гусев, И.А. Оссовецкий, Е. Никитина). Очевидно, в этом же ключе дается и изображение героя: в представлении его черт как идеальных отражаются народные ценностные установки.

Иногда к характеристике физических данных прибавляется характеристика умственных способностей («умный», «умом смышлен»). Очевидно, таким образом подчеркивается зрелость героя, его способность самостоятельно принимать решения.

Зачастую портрет содержит возрастную характеристику. Она дается в сопоставлении с количеством времени, прожитого героем, и квантифицируется как небольшая («молодой»), тем самым акцентируются физические качества человека - носителя возрастного признака: «молодому герою свойственны физическая сила, способность к активной деятельности, к вступлению в брак» (15, 20).

При описании царевны доминирующей является характеристика физических данных, а именно репрезентация внешности. Портретная характеристика при этом может содержать следующие элементы: 1) устойчивые формулы и сочетания со значением предельно привлекательной внешности; 2) цветовую характеристику.

Наиболее распространенным случаем при описании царевны является **представление физических данных в общем**, без какой-либо детализации портрета. С этой целью используются устойчивые формулы типа *«такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать»* (вариант: *«ни в сказке сказать», «ни вздумать, ни взгадать»*), *«такая красавица, что и вообразить*

лучшей нельзя» или «видно, мозжечок из косточки в косточку переливается» («из косточки в косточку мозжечок переливается») и сочетания «прил.+сущ.» со значением предельной привлекательности внешности, подчеркивающие исключительность внешности царевны («невиданной красоты», «красоты неописанной»):

Утром приезжает королева - лошади белые, и сама вся чистая, да такая красавица, что и вообразить лучшей нельзя: видно как из косточки в косточку мозжечок переливается. (1, №271).

Подлетела к царскому крыльцу золоченая коляска, в шесть лошадей запряжена, и вышла оттуда Василиса Премудрая - такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать. (1, №269).

Открыл огонь - а перед ним девица красоты неописанной. (1, №228).

Особого внимания заслуживают содержащиеся в портрете героини и царевны цветовые характеристики, т.е. характеризующие конструкции с номинациями цвета в их составе (алый, белый, красный):

Шел-шел - стоит медный дворец; он во дворец, встречает его младшая королева - краше цвета алого, белей снегу белого. (1, № 140).

А.Т.Хроленко, характеризуя песенную фразеологию, обратил внимание на появление у эпитетов оценочного компонента при утрате семантической общезыковой определенности. Так, прилагательное *алый* утрачивает «свою семантическую определенность <наименование определенной части спектра – О.В.> и выступает своеобразным сигналом предельности положительного качества» (14,55). Таким образом, сочетание атрибутивов цвета с существительными, характеризующими

внешность, содержат предельную положительную аксиологическую оценку.

Все выше сказанное позволяет говорить о том, что назначение всех рассмотренных составных элементов портретной характеристики царевны- дать предельную положительную аксиологическую оценку качествам, которые ей присущи. Таким образом, основное назначение портретного описания- репрезентация царевны как идеальной. Очевидно, подобное изображение объясняется местом царевны в сказочной картине мира: она является потенциальным партнером героя по браку. Поскольку в образе сказочного героя воплощаются народные представления о мужском идеале, соответственно партнер по браку тоже должен обладать идеальными свойствами, именно таковые и запечатлены повествователем в ее внешности. Следовательно, изображение царевны в сказке, как и героя, также связано с идеализацией народных представлений

Особого внимания заслуживает описание помощника, дарителя и антагониста. Мы полагаем, что портретные характеристики помощника, дарителя и антагониста целесообразнее рассматривать в одном ряду, поскольку в большинстве случаев они аналогичны: имеют одинаковую синтаксическую структуру, а порой и идентичную лексическую наполняемость. Например, формула *«сам с нозоть, борода с локоть»* в одних случаях характеризует дарителя, в других – антагониста.

Описание указанных персонажей складывается из следующих элементов: 1) характеристики физических данных (роста, размеров тела, особенностей внешности); 2) возрастной характеристики.

Основная тенденция в описании антагониста, дарителя и помощника – стремление повествователя посредством

определенных характеристик маркировать их принадлежность к иному миру. Этой цели служат:

1) Гиперболизированно большой или малый рост.

Большой рост репрезентируется сочетаниями «*росту сметы нет*», «*ростом с лесом ровен*», «*с лес долиной*», «*голова на покути, ноги на печке*» или в целом «*великан*», «*большуций*», «*громадный*», «*как копна*», «*высокого росту*», «*высочайший*», «*словно каменная гора*»:

«Подъезжает к тридесатому государству, на рубеже дикий человек стоит – ростом с лесом ровен, толщиной словно копна большая, в руках держит коренастый дуб. Говорит великан Ивану-царевичу: «Куда, червяк, едешь?»» (1, №173).

В чистом поле – сарацинский богатырь на коне как копна сидит. (1, №269).

Для обозначения малого роста служат сочетания «*сам с ноготь*», «*с перст*», «*от земли не видать*», «*мужичонко-с-кулачонко*» и лексемы «*мал*», «*маленький*»:

Тут попадаетея ему навстречу мужичок сам с перст, усы на семь верст<...>. (1, №138).

Вдруг приходит туда старик сам с ноготок, борода с локоток<...>. (1, №214).

2) Диспропорция размеров частей тела.

У антагониста-карлика - диспропорционально большие по отношению к размерам его тела усы и борода («*усы на семь верст*», «*борода с локоть*»), у помощника наряду с большим ростом отмечается аномальная величина его усов («*великан с огромными усами, на усах вачеги висят*», «*рыбу ловит усом*»), у дарителя (обычно бабы-яги) квантифицируется чаще размеры груди и носа, реже – ушей и губ (В.А. Черванева):

Не через долгое времени приходит к царю мужичок сам с ноготь, борода с локоть, и подает письмо за тремя черными печатями от

Водяного царя <...>. (1, №125).

Вышел он на землю и пошел по берегу – попадаетея ему навстречу великан с огромными усами, на усах вачеги висят – после дождя сушит. (1, №242).

Входит туда, а в избушке лежит баба-яга - из угла в угол, губы на грядке, нос в потолок. (1, №269).

«Вошел в избушку Иван гостиный сын, а там лежит баба-яга костяная нога, из угла в угол, титьки через грядку висят». (1, №224).

3) Старость.

С этой целью используются лексемы с общим значением старости («старик/старуха», «старичок», «старичонко», «старый/старая») и признаками старости седине («седой как лунь») и беззубости («беззубая»). В.А. Черванева полагает, что старость антагониста, дарителя и помощника - «один из признаков, отличающих их от героя, т.е. персонажа из класса «свой» (15,21).

4) Субстанция отдельных соматонимов.

Как правило, какая-нибудь часть тела указанных персонажей является костяной, металлической или глиняной: «костяная нога», «руки железны, голова чугунна, сам медный», «борода золотая, на голове волосы серебряные», «нога глиняная»:

<Помощник >: *Один раз поехал на охоту; только выехал за жило – неоткуда взялся мужичок руки железны, голова чугунна, сам медный. (1, №125).*

<Антагонист>: *Волны заколыхались и поднялся из воды старый дед - борода у него золотая, на голове волосы серебряные. (1, №240).*

<Даритель >: *В избушке сидит баба-яга, морда жилиная, нога глиняная. (1, №113).*

В.Я. Пропп полагает, что яга связана тесно с образом смерти, поэтому имеет «костяную ногу, т.е. ногу

мертвеца»(10,53). Иными словами, «костеность» бабы-яги – это еще один из маркеров ее принадлежности к иному, «чужому» миру, который считается миром мертвых.

Металлы золото, серебро и медь также соотносятся с иным миром. Эта связь происходит от сходства блеска металлов с сиянием небесных светил. Свет, огонь изначально мыслились древними людьми как сотворенные в другом мире и являлись признаками предметов иного мира. А.Н. Афанасьев считал, что «одинаковое впечатление, производимое на глаз, с одной стороны, сиянием небесных светил, молнии и огня, а с другой – блеском некоторых металлов, породило понятие о связи света с золотом, серебром и медью» (2,71). Очевидно, со временем указанные свойства были перенесены на все металлы (не только на золото, серебро и медь), это и определило расширение сказочным нарративом группы лексем, репрезентирующих металлы. И кости, и металлы, и глина – это неживая материя. Об этом и свидетельствует сема «мертвый, неживой», которая присутствует в семантической структуре словосочетаний «*костяная нога*», «*нога глиняная*», «*железные руки, чугунная голова*», «*золотая борода*». «Неживое» соотносится с представителями иного мира. Итак, указание на субстанцию отдельных соматонимов персонажей, в частности на неживую материю, - способ маркировки их как представителей «чужого» мира.

Все характеристики помощника, дарителя и антагониста призваны маркировать их принадлежность к «иному» миру, что достигается путем указания на: 1) гиперболизированно большой или малый рост, 2) диспропорцию частей тела, 3) старость, 4) специфичность отдельных соматонимов (голова, рук, ноги).

Особенность рассмотренных портретных характеристик человека и антропоморфных персонажей сказки в том, что все они восходят к религиозно-мифологическим представлениям древнего человека (В.Я. Пропп). С уходом ритуалов из жизни и потерей ими магического значения атрибуты персонажей получили определенную семантическую направленность в соответствии с системой ценностей сказки и сказочной картиной мира (СКМ), с одной стороны, и стали рассматриваться как качества, необходимые персонажу для выполнения закрепленной за ним типовой акции.

Специфика СКМ – в приоритетном положении оппозиции «свой/чужой», которая (оппозиция) унаследована фольклорной картиной мира (СКМ в частности) от архаической картины мира. Эта оппозиция проявляет себя на всех уровнях сказочного повествования. В портретной характеристике персонажей это отражается следующим образом. Описание внешности «своих» (героя, царевны) оценивается как соответствующее норме, описание «чужих» – как аномалия, что проявляется в соответствующих признаках описания (см. выше).

Особого внимания заслуживает изображение внешности героя и царевны как идеальной. По мнению Б.Н. Путилова, фольклор представляет материал этнографической действительности в виде типизированных элементов-комплексов, своеобразных стереотипов значения, за которым закреплен определенный (положительный или отрицательный) идеологический и эмоциональный заряд. «Типовые ситуации, <...> отношения <...> трактуют в фольклоре либо как идеальные, заслуживающие сохранения и поддержки, либо как чуждые народному идеалу» (12,122).

Поведение героя в сказке всегда оценивается положительно. Эталонность распространяется на весь

образ героя, что и отражается в его портретной характеристике, в репрезентации его внешности как идеальной (все элементы его портретной характеристики несут положительную аксиологическую оценку). Изображение царевны дается в этом же ключе, поскольку она является партнером героя по браку. Типовым средством воплощения этих представлений служат фольклорные формулы со значением «очень хороший» («*красавец (красавица), что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать*»).

Все сказанное выше свидетельствует о том, что языковая организация портретных характеристик персонажей во многом обусловлена картиной сказочного мира, отразившего мировидение и миропонимание народа.

Со временем элементы портретной характеристики персонажей были специализированы сказкой в соответствии с функцией последних в сказочной картине мира и в закреплении функциональных признаков описания, которые фиксируют внимание на качествах персонажа, позволяющих ему выполнить закрепленную за ним сказочную акцию. Для героя таковыми являются умственные способности, свидетельствующие о его зрелости; физическая сила. Для помощника, дарителя и антагониста – необычные способности, которые в народном сознании закреплены за представителями «иног» локуса. Введение персонажа этого локуса провоцирует осуществление сказочных акций, связанных с применением сверхъестественных способностей (необычайной силы, магических знаний).

Литература:

1. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки в трех томах. – М.: Наука, 1985.

2. Афанасьев А.Н. Стихия света в ее поэтических представлениях// Афанасьев А.Н. Древо жизни: Избранные статьи. - М.: Современник, 1982. - 60-73.
3. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. – М.: Флинта, Наука, 2000. – 248
4. Кормилов И. Портрет// Литературная энциклопедия терминов и понятий/ Под ред. А.Н. Николюкина. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – 762.
5. Лихачев Д. Поэтика древнерусской литературы. – М.: Наука, 1979.- 372
6. Медриш Д.Н. Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики. – Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1980. – 294
7. Мелетинский Е.М., Неклюдов Ю., Новик Е., Сегал Д.М. Проблемы структурного описания волшебной сказки// Структура волшебной сказки. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2001. – 11 – 121.
8. Неклюдов Ю. Особенности изобразительной системы в долитературном повествовательном искусстве// Ранние формы искусства. Сб. ст. – М.: Искусство, 1972. – 191-215.
9. Нечаева О.А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). – Улан-Удэ, 1974.
10. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 2002. – 334
11. Пропп В.Я. Фольклор и действительность//Пропп В.Я. Фольклор и действительность: Избранные статьи. - М.: Наука, 1976. - 83-115.
12. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. – СПб.: Наука, 1994. – 238
13. Сизова К.Л. Типология портрета героя (на материале художественной прозы И. Тургенева)// Автореферат на соискание ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1995. – 16
14. Хроленко А.Т. Поэтическая фразеология русской народной лирической песни. – Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1981. – 164
15. Черванева В.А. Квантитативный аспект фольклорно-языковой картины мира (количественные характеристики концептов пространства и времени и их объективация вербальными средствами русской волшебной сказки)// Автореферат на соискание ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2003. – 24